

1863 СИМВОЛ ПРАВДЫ И КРАСОТЫ 1963

Сегодня 100 лет со дня рождения К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

ИСКУССТВО БОЛЬШИХ ЧУВСТВ И ИДЕЙ

Сегодня все прогрессивное человечество отмечает знаменательный юбилей — 100-летие со дня рождения Константина Сергеевича Станиславского, воспитателя артистов, создателя учения о реалистическом театральном искусстве.

Константин Сергеевич оставил нам поистине классическую теорию современного сценического искусства. Учение Станиславского бессмертно потому, что в основу его положено великое чувство жизни, стремление к правде, ощущение неразрывной связи художника с народом.

Задачи, поставленные Станиславским перед деятелями театра, оказались такими емкими, такими неисчерпаемыми, что мы и сейчас воспринимаем их как задачи остро современные. Великий реформатор театра призвал актера к активному действию, к глубокому изучению современной жизни; он требовал пересматривать и обновлять актерскую технику, бороться со штампом, искать новые приемы сценического творчества, которые были бы способны передать самые глубокие мысли и чувства человека. Талантливый актер и режиссер считал, что мало быть просто актером, просто режиссером, надо быть художником, чтобы, ни на минуту не успокаиваясь на достигнутом, стремиться к завоеванию новых высот в искусстве. Таким художником, вечно находящимся в поиске, художником, который волновался за судьбы родного ему искусства, и был сам К. С. Станиславский.

Станиславский был живым олицетворением высокого и требовательного отношения к искусству. Он умел видеть и находить в своем творчестве недостатки даже тогда, когда оно другим казалось образцом совершенства. Эти свои качества передового художника-новатора Константин Сергеевич пытался привить молодому поколению советских актеров.

Иногда среди молодежи раздаются голоса о том, что якобы наступает «кризис» школы Станиславского. Некоторые даже говорят, что учение Станиславского «мешает» рождению ярких дарований. Так ли это? Конечно, нет. Мне думается, что мечтать о дальнейшем росте театрального искусства, о высоком актерском мастерстве вне общения с передовой наукой о творчестве актера, разработанной К. С. Станиславским, немисливо и неразумно. Лучшие актерские достижения, интереснейшие работы передовых театров нашей страны — это свидетельство того, что мастера сцены не только не пренебрегают заветами Станиславского, а, наоборот, находят в них крепкую опору в своей повседневной творческой деятельности.

Д. ОРЛОВ, профессор, народный артист БССР

Станиславский утверждал перевоплощение артиста в образ как высшую форму сценического искусства. И это требование он в совершенстве осуществлял в своей собственной практике. Люди старшего поколения, многие ведущие актеры наших театров помнят, с каким величайшим мастерством выступал сам Константин Сергеевич в Московском Художественном театре в ролях Сатина, Крутицкого, Фамусова, Штокмана. Это были великолепнейшие примеры высшего перевоплощения актера в образ. Причем перевоплощение артиста в образ и передача одновременно его отношения к образу не только не мешают друг другу, а могут и должны быть сведены в глубокое органическое единство, чуждое как объективизму, так и декларативной плакатности.

Убедительным примером классического перевоплощения актера в образе могут служить и многие роли, сыгранные нашими белорусскими актерами. Возьмем спектакли купаловцев последнего времени. С каким высочайшим мастерством исполняет роль Левона в спектакле «Лявониха на орбите» Б. В. Платонов. Как подкупает зрителя своей искренностью и правдивостью Г. П. Глебов, превосходно исполняющий многие сатирические роли. В спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» Л. Г. Рахленко достигает слияния с образом Крутицкого органическими, внутренними путями, и в то же время он не только «оживляется», но и в то, чем он является на самом деле. Кстати, и Платонов, перевоплощаясь в Левона, раскрывает изнутри образ своего героя, его субъективное отношение к самому себе и к окружающему миру. Но вместе с тем талантливый артист осуждает Левона с позиций актера, вооруженного правильными критериями идейной и моральной оценки. Я считаю, что в этих, как и во многих других лучших работах, актеры-купаловцы верны учению Станиславского. Мы видим в их игре точность перевоплощения в соответствии с жизнью, правду человеческого поведения.

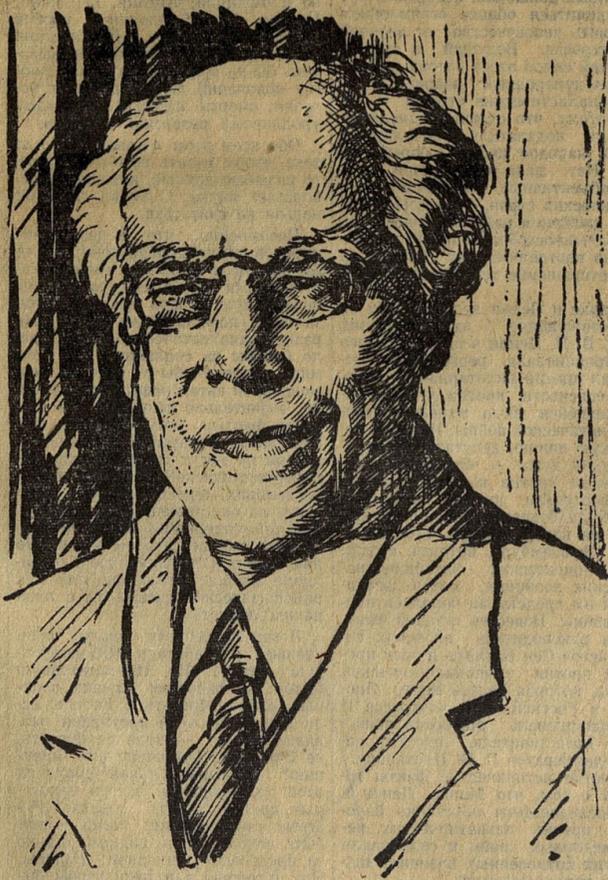
К сожалению, еще далеко не все актеры, в том числе и белорусских театров, стремятся к перевоплощению через тончайший учет авторских обстоятельств, не все умеют включать эти обстоятельства в процесс своего творчества. Порой нашему вниманию предлагается даже абстрактная психология, человек «вообще», воспроизведение лишь внешних признаков жизни и т. д. Такие при-

меры бытуют там, где чувствуется непростительное забвение основ системы Станиславского.

А учение Станиславского о «сверхзадаче»? Это, пожалуй, сейчас самое главное для наших театров. И мне думается, что надо добиться того, чтобы учение о «сверхзадаче» стало для каждого театрального коллектива первой производственной необходимостью. Режиссер любого театра должен находить в себе достаточно сил и воли, чтобы в каждом спектакле подчинить актеров решению единой для всех цели. Нельзя допускать, чтобы актеры играли в спектакле бесперспективно, каждый сам за себя. Нельзя допускать замкнутости или оторванности одного образа от другого. Необходимо, чтобы все актеры в спектакле захватили страстным стремлением к достижению единства цели, старались создать слаженный и цельный ансамбль.

К хорошим результатам театральный коллектив приходит через преодоление трудностей, через огромный творческий труд, через поиски новой жизненной достоверности сценической игры.

Законы сценического творчества, открытые К. С. Станиславским, вечны. Они вечны потому, что каждый раз, в новых условиях, в новом зрительном зале они вновь открываются и вновь рождают новые средства художественной выразительности. И мы сейчас никак не можем забывать слова Константина Сергеевича о том, что задача нашего театра «раскрывать глаза на идеалы, самим народом созданные, делать человека чище, лучше, умнее, полезнее для общества. К этому призывает деятелей искусства и наша славная ленинская партия, которая проявляет величайшую заботу о развитии искусства социалистического реализма, о повышении его роли в строительстве нового общества, в коммунистическом воспитании советских людей. И если бы каждый из нас, работников искусства, поставил перед собой задачу воспитать в себе элементы художественной честности и принципиальности, высокой этики, бескорыстия, отношения к искусству, как к священной миссии, что было так присуще К. С. Станиславскому, то, несомненно, советское искусство достигло бы еще более высоких вершин, оно еще больше радовало бы людей своей красотой и великой жизненной правдой.

Весь мир смотрит на нас удивленными глазами, дивится нашим героям, достижениям... Мы несем рядом с красным знаменем — пальмовую ветвь мира... Все, что делается в нашей стране, преследует благородную цель свободы и мира народам, как больших, так и малых... К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.

МЫСЛИ О ТЕАТРЕ

- ... В нашей стране театр — не пустое развлечение, а дело жизни, искусство, помогающее росту общества.
- ... Простой зритель поймет все то, что правда и художественно...
- Стоит зрителю почувствовать раскрывшуюся душу артиста, заглянуть в нее, познать духовную правду его чувства, физическую правду выявления ее, и зритель сразу отдается этой правде чувства и бесконтрольно верит всему, что видит на сцене.
- Прекраснее всего в русском искусстве — завет, который мы помним, оставленный нам Шепкиным: «Берите образцы из жизни и природы». Они дают неисчерпаемый материал для творчества артиста. Этот материал разнообразен, как сама жизнь, он прекрасен и прост, как сама природа.

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ.

СЛОВА ОТ СЕРДЦА

- Вы, дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали... в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь Вам, красавец-человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов.
- А. ГОРЬКИЙ.
- Всю жизнь своим искусством он служил народу, и это его искусство имеет право на бессмертие.
- Вл. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.
- Станиславский — это яркая эпоха в истории театрального искусства всего мира.
- Н. ХМЕЛЕВ.
- Театр был для него храм, в котором надо учиться человечности, бескорыстию, самоотверженности, чистоте взглядов и чувств, благородству отношения к искусству, к труду. Вся мощь, все вдохновение, всю силу он видел в Народ.
- Н. ОХЛОПКОВ.
- Он родился и жил для будущего театра, и памятник ему нужно ставить там. А сегодня он с нами. Только он впереди.
- Г. ТОВСТОНОВ.
- Для чешских актеров К. С. Станиславский — символ красоты в искусстве, маяк, освещающий путь к совершенству. Слава его памяти!
- З. ШТЕПАНЕК.
- Мы получили от Станиславского то оружие, которое помогает нам в борьбе за развитие социалистической театральной культуры в Венгрии.
- Ф. ХОНТ.

ЕЩЕ В 1925 году, будучи студентом Московской консерватории, я часто слышал разговоры об организации оперной студии под руководством К. С. Станиславского.

НАШ СОВРЕМЕННИК

что сейчас будет беспощадная критика.

Вспомнинается такой интересный случай. Константин Сергеевич однажды сам показывал, как надо играть на сцене. Среди нас нашелся смелый критик, который сказал:

— Не верю, Константин Сергеевич! Наиграли... Мы все замерли, ожидая, что сейчас грянет «гром». Но ничего подобного не произошло. Наоборот, Константин Сергеевич еще раз повторил то же место, и тогда наш «критик» сказал:

— Ну вот теперь другое дело. Теперь я верю.

Таким критиком был недавно пришедший в студию Гриша Бушув — молодой парнишка, не имевший в то время никакого образования, но отличавшийся большой непосредственностью и юмором как в жизни, так и в сценическом даровании. За это его очень ценил Константин Сергеевич и поручал ему самые острые, комедийные партии. Он видел в этом человеке одаренного артиста. Через некоторое время Гриша Бушув с большим успехом выступил в спектакле «Севильский цирюльник» в постановке Константина Сергеевича.

В общении со Станиславским, при разговоре с ним я всегда чувствовал, что он видит тебя как личность и нельзя ничего скрывать от него. В работе с молодым актером он раскрывал такие стороны таланта, которые ранее никто не замечал. Он умел увидеть в актере самое хорошее, сказать ему об этом, а потом уже, не страшась всплеск актерского самолюбия, брал его как бы за руку и вел к тому лучшему, что в нем заключено. Он умел как-то незаметно вложить свою логику и мысли актеру, шаг за шагом подбирал к тому моменту, когда актер душой и телом сольется с образом, растворится в нем. Тогда наступал момент огромного счастья.

Станиславского очень влекло к молодежи. Он видел в ней воплощение своих мечтаний, замыслов.

Вера Станиславского в молодые силы, его восхищенное тяготение к ним вскоре решили и мою дирижерскую судьбу. Он поручил мне самостоятельную работу над старинной комической оперой итальянского композитора Д. Чимарозы «Тайный брак». Эта опера, музыка

которой родственна по характеру и стилю знаменитому «Севильскому цирюльнику», очень приглянулась Константину Сергеевичу.

Он видел в ней неограниченные возможности для развития актерской техники певцов. Я же был, конечно, на седьмом небе и, как говорится, не чувствовал под собой ног. Сам К. С. Станиславский и В. И. Сук доверили мне впервые вступить за дирижерский пульт! Да, это была совместная творческая работа с самим Станиславским! Не сон ли это? Нет, это не сон, а дорогая мне явь!

Константин Сергеевич очень любил, я бы даже сказал, как-то ревностно относился к слову. Ведь недаром он говорил, что «слово — тема для творчества композитора, а музыка — его творчество». Как часто он приводил нам в пример Ф. И. Шалляпина, который впервые в истории оперного искусства в России поднял на пьедестал роль дирижера и выразительного слова.

Будущее оперного театра волновало Константина Сергеевича. Он представлял такой театр как гармонично-идеальный живой организм, в котором драматическое действие и музыка соединились бы в единое целое. Но все же в опере, говорил он, преобладающее место занимает музыка, и потому она должна направлять творчество режиссера.

Да, работа и общение с таким гениальным художником, как Станиславский, оставила неизгладимый след. Чувство большой любви и глубокого уважения к Константину Сергеевичу всегда живет в моем сердце. Я часто вспоминаю, что Станиславский мечтал об обогащении оперного театра современным репертуаром, в котором новое содержание должно соединиться с новой формой. И, несомненно, тот вклад, который внес Станиславский в область исполнительского мастерства в оперном искусстве, дорог всем нам.

Сейчас, когда отмечается столетие со дня рождения могучего деятеля театрального искусства, мне хочется сказать несколько слов и о творческой жизни нашего театра. Мне кажется, что за последнее время у нас произошли заметные сдвиги как в пополнении репертуара спектаклями о современности, так и в повышении исполнительской культуры артистов.

В перерыве подошел к Константину Сергеевичу и Вячеславу Ивановичу, внешность которых меня с первого взгляда покорила своей простотой, одухотворенностью и величавостью. Оба они просто и mildly предложили тут же сесть за рояль и вести репетицию. После репетиции В. И. Сук своим милым чешским говорком похвалил меня, сказав: «Молодец, молодой человек». А Станиславский подошел и сказал: «Вы будете работать у нас». С этого дня мне выпало огромное счастье и честь проводить все репетиции у самого Станиславского.

К репетициям, которыми руководил выдающийся деятель театра, мы все готовились как к торжественному, радостному событию. Приходили задолго до их начала. В точно определенный час появлялся Константин Сергеевич — красивый, стройный, со вкусом одетый, приподнято настроенный. Начиналась репетиция. Константин Сергеевич строго следил за ней. И если он верил в происходящее на сцене, то вся мимика его лица начинала играть. Но если он не верил в происходящее на репетиции, брови его хмурились. Наступал острый момент. Мы все сидели в ожидании «грозы» и уже знали,